

СЦЕНЫ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ

«Виринея» в Воронежском театре драмы

Появление пьесы Л. Сейфуллиной и В. Правдухина «Виринея» на афише Воронежского театра в дни его московских гастролей вызвало интерес и вместе с тем некоторые сомнения. Сможет ли пьеса, написанная в начале двадцатых годов, прозвучать сейчас современно, взволновать пафосом своих идей?

Спектакль воронежцев начисто развеял эти сомнения. На протяжении всего действия ни на минуту не ослабевало внимание зрителей. Судьбы героев воспринимались необыкновенно близкими, родными, их борьба заставляла еще раз вспомнить и пережить героические эпизоды прошлого. Режиссер Ф. Шишигин, художник В. Цибин, все исполнители горячо полюбили пьесу, увлеклись ею и сумели эту влюбленность воплотить в постановке спектакля.

Главное действующее лицо спектакля — народ. Он все время живет на сцене — многоликий, бурлящий... Вот вся деревня собралась посмотреть, как будет «умирать» по велению свыше «святой» Савелий Магара. Пришли богомольные, суетливые старушки, степенные, дородные бородачи, шумливая молодежь. Любопытство к «святому» быстро сменяется иронией, слышатся насмешки, шутки, и постепенно народ расходится, чтобы заняться повседневными делами.

Вскоре сюда, в отдаленное село, пришла весть о революции. Обострились, обнажились противоречия между людьми. Особенно отчетливо эти разногласия проявились в сцене выборов в учредительное собрание, поставленной и сыгранной коллективом театра с огромной художественной убедительностью.

...Все новые и новые люди врываются в тесную комнату избирательной комиссии. Толпа шумит, неистовствует за раскрытыми окнами. Трудно сразу охватить всю эту красочную вереницу самых различных персонажей. Но вот еле уловимые вначале сатирические краски становятся все резче, определенной. В том, как боязливо голосует попик, осеняя крестом урну, или храбрятся нагловатые кулацкие сынки, — четко открываются социальные характеристики. В финале картины мощная людская лавина прорывается на сцену, знаменуя силу и торжество народа.

На этом широком фоне народной жизни глубоко, волнующе раскрыты судьбы основных героев. Их характеры показаны

в становлении, развитии, постепенном преодолении многих пережитков прошлого. Уже в первом появлении на сцене Виринеи — Л. Макаровой с ведром воды в руках есть что-то непокорное, дерзкое. Она вызывающе смотрит на инженера, кричит ему резкие обидные слова. Это он, инженер, заставил мужа Виринеи, немощного Василия, пройти в непогоду трудный путь, чтобы принести ему табак.

Сразу видно — чуждо, непривычно здесь Виринею, трудно ей выслушивать злобные причитания свекрови. Просто, с огромной внутренней силой говорит она о своем решении покинуть дом. В ее словах раскрывается не только протест против тяжелой женской доли, но и неизбывная жажда жизни, радости, счастья. Встреча с солдатом Павлом Сусловым, вернувшимся с фронта, его прямые, откровенные слова заставляют Виринею по-иному взглянуть на себя. Непривычно притихшая и покорная, почти с мольбой, она рассказывает о своей жизни и, вдруг застыдившись, становится нарочито грубой, резкой.

Пожалуй, лишь один раз мы видели Виринею по-настоящему счастливой. Обаятельно женственная, озаренная внутренним светом, она признается Павлу, что скоро будет матерью. Но Павлу надо сражаться за революцию. Сурово и мужественно их прощание. Здесь Виринея уже иной человек: она духовно близка Павлу, готова вместе с ним бороться за новую жизнь.

И Виринея борется — гневно, страстно стыдит мужиков, которые боятся подержать наступающую Красную Армию. Трудно противостоять убежденности и силе Виринеи. И понятно, почему казаки в первую очередь именно против нее направили свой удар.

В спектакле много актерских удач. Человеком буйной, несдержанной силы предстает Савелий — С. Папов. Со слепой фанатичностью он мнит себя «святым», а затем во гневе разбивает икону, в бунтарском порыве убивает инженера. За всем этим — богатырская недюжинная мощь, желание познать, как жить дальше. С этим вопросом приходит Савелий к Сулову в момент выборов. Закономерно его желание вместе с Павлом уйти на фронт, защищать республику. Внутренняя сила и убежденность отличают от окружающих Павла — В. Корзуна. За его внешней угрюмостью, грубоватостью таится верное, любящее сердце. Среди других персонажей можно назвать искреннюю, непосредственную Груньку — Р. Несмелову.

Впрочем, спектакль захватывает не отдельными образами, а единым слаженным ансамблем, смелостью и продуманностью режиссерского решения.

Лишь в самой последней финальной сцене чувство меры изменяет театру. Спектакль выглядит незавершенным, обрывается как бы на полуслове: безмолвно около порога лежит тело Виринеи, озаренное пламенем пожара. Сцены народной жизни, очевидно, должны были завершиться темой победившего народа, а не гибелью Виринеи.

Жаль, что финал не удался в этом хорошем, интересном спектакле. Мы думаем, что театр продолжит свою работу над «Виринеей», найдет более точное решение и завершающей сцены.

Н. ПУТИНЦЕВ.

Коллекция
Муз. архива
4. VII. 58.